

Когда дым рассеялся, Чжэнь Цюн поспешил подбежать. Цензор лежал на земле, его лицо было в крови, глаза закрыты. Чжэнь Цюн наклонился, проверил дыхание и с облегчением вздохнул. Не умер, должно быть, потерял сознание от страха. Такой трус, зачем вообще лезть в такие дела!

К счастью, перед броском он велел этому человеку отойти подальше от печи для пилюль, и разлетевшиеся камни не заделали бутылки и сосуды на столе. Бутылка с царской водкой осталась целой, золото не рассыпалось... Подождите, эта искусственная гора, похоже, была из дорогого известняка... Э-э, камень Тайху, неужели ему придётся за это платить? Он не может позволить себя обмануть!

Быстро встав, Чжэнь Цюн побежал обратно в павильон и прямо заявил:

— Государь, этот человек не послушал совета и специально взорвал искусственную гору, это точно не я его подстрекал!

В павильоне половина людей стояла, половина — сидела на коленях, у всех лица были странного цвета — красные, зелёные, чёрные. Несколько старых министров выглядели так, будто у них вот-вот случится сердечный приступ. Чжао Сюй смотрел на разрушенную искусственную гору и, наконец, повернулся:

— Это... это можно использовать на поле боя?

Даос Чжэнь действительно не обманывал, эта штука куда мощнее взрывчатки! Прежняя взрывчатка лишь разрушала небольшие холмы, а это лекарство могло разрушить огромный камень. На поле боя это было бы непобедимым оружием!

— Конечно, нет! — Что за глупости, — Чжэнь Цюн категорически заявил. — Приготовление этого лекарства само по себе опасно, не говоря уже о транспортировке. Малейшая тряска, удар или высокая температура могут вызвать взрыв. Если попытаться перевозить, сколько людей погибнет?

Чжао Сюй задумался, снова посмотрел на груды обломков и наконец вздохнул:

— Жаль.

Да, всего один брошенный флакон вызвал такой ужасный эффект. Если бы это перевозили на телеге сотни миль, сколько бы проблем это вызвало?

Хань Ци, придя в себя, легонько кашлянул:

— Раз это действительно взрывается, значит, обвинения цензора Цзяна не соответствуют действительности.

Цензор Цзян ранее утверждал, что Чжэнь Цюн распространяет слухи среди народа, будто может приготовить чудодейственные пилюли, лечащие все болезни. Однако приготовление этих пилюль настолько сложно, требует и ядовитой воды, растворяющей золото, и масла, способного разрушить горы, что это почти риск для жизни. Кто бы стал распространять такие слухи? Чжэнь Цюн говорил о лекарстве честно, нисколько не преувеличивая, где тут мошенничество?

Обвинения оказались ложными, и теперь они обернулись против самого цензора. Все его обвинения вернутся к нему самому. К тому же он нарушил этикет перед императором, устроив

взрыв искусственной горы, что было непростительным преступлением!

Чжао Сюй кивнул:

— Этот человек не только оклеветал заслуженного человека, но и подверг опасности императора, его вина усугубляется! Лишить его должности и ждать наказания.

Одним словом карьера цензора была разрушена, возможно, его даже отправят в ссылку. Однако Хань Ци не собирался останавливаться на этом:

— В его обвинении было более сотни подписей. Здесь что-то нечисто, нужно тщательно расследовать.

Сказав это, Хань Ци небрежно взглянул на стоящего в стороне даоса. После взрыва искусственной горы он уже был наполовину мертв от страха, а теперь, после холодного взгляда Хань Ци, ноги Сюаньюань-цзы задрожали, лицо побелело. Плохо, Хань Ци действительно знает правду! Нет, это и так было странно, ранее он слышал не о лекарстве от грудной жабы, а о чём-то, что «воскрешает мёртвых». Именно поэтому он осмелился распространить слухи, вызвавшие обвинения. Теперь, оглядываясь назад, это, похоже, был обман? Его подставили, но он не может ничего сказать, и спрятаться уже не получится.

Чжао Сюй уже кивнул:

— Передайте это дело в Палату по уголовным делам. Сеять смуту в умах людей — это серьёзное преступление.

Услышав это, Сюаньюань-цзы почувствовал, как ноги подкашиваются. Он бы хотел, как цензор Цзян, просто потерять сознание.

Император, однако, не обращал внимания на этих людей. Разобравшись с цензором, он повернулся к Чжэнь Цюну с доброжелательной улыбкой:

— Даос Чжэнь, хотя приготовление «Пилюли защиты сердца» опасно, его эффективность впечатляет. Во дворце тоже нужно иметь запас.

Эти слова вызвали одобрение среди придворных. Не только во дворце, но и они сами хотели бы иметь такое лекарство дома. Сердечные заболевания смертельны, и если есть эффективное лекарство, лучше быть готовым.

Наконец-то спросили об этом! Чжэнь Цюн сразу оживился:

— Не скрою, Государь, приготовление этих пилюль не только сложно, но и они быстро портятся. Если их запечатать и хранить в прохладном месте, срок годности всего полгода. После этого пилюли превращаются в порошок и становятся бесполезными. Однако метод приготовления — это вершина нашей школы Творения, обычные люди не смогут его освоить, малейшая ошибка приведёт к катастрофе.

Теперь речь зашла об условиях. Однако Чжао Сюй признал, что слова даоса правдивы. Они все видели, как он готовил пилюли, на это ушло больше часа. Не говоря уже о ядовитых парах и едких жидкостях, даже последний взрыв был огромным риском. Обычные мастера, аптекари или даосы в храмах вряд ли смогут безопасно приготовить это лекарство.

Подумав, Чжао Сюй сказал:

— В таком случае, я дарю даосу Чжэню храм, где он сможет готовить это лекарство.

На этот раз, говоря о храме, Чжэнь Цюн не отказался, а поспешно добавил:

— Только храма недостаточно. Для Великого Пути Творения нужна лаборатория, чем больше, тем лучше! И приготовление «Пилюли защиты сердца» тоже недёшево, нужно выделить средства из казны!

Чжао Сюй и придворные онемели.

С храмом можно построить сколько угодно лабораторий, зачем специально об этом говорить и просить деньги? Неужели и расходы на лабораторию тоже будут покрываться казной?

Но, подумав, они поняли, что это не так уж и плохо. Приготовление таких пилюль требует много материалов и не может быть дешёвым. Даже если лекарство будет поставляться только во дворец и членам императорской семьи, это огромные расходы. А храм, финансируемый государством, и так получает жалование и награды. Этот даос не только готовит лекарства, но и имеет другие заслуги, выделить средства — не проблема.

Су Сун вышел вперёд:

— Государь, знания даоса Чжэня удивительны. Не говоря уже о «Пилюле защиты сердца», всего за месяц в Управлении вооружений он увеличил производство меди и железа, создав превосходные мечи. Если он сможет передать свои знания, это принесёт огромную пользу государству.

Эти слова вызвали волну обсуждений среди придворных. Речь шла не только о лекарствах, но и о создании новой школы. Вопросы «даосского учения» всегда были чувствительными для тех, кто стоял у власти. Теперь, когда император уже задумывался о реформах, внезапное создание новой школы вызывало подозрения, и это нельзя было игнорировать!

Учёный академии Ханьлинь Люй Гунчжу не выдержал и выступил:

— Школа Творения никому не известна, у неё нет классических текстов и учителей, создание храма может быть неправильным.

Чжэнь Цюн, не ожидавший возражений, с удивлением спросил:

— Ты не хочешь «Пилюлю защиты сердца»?

Люй Гунчжу лишился дара речи.

Люй Гунчжу чуть не задохнулся. Даже если у него самого не было сердечных заболеваний, он не мог помешать Чжэнь Цюну готовить чудодейственные пилюли. Если из-за него лекарства не будет, сколько коллег возненавидят его?

Посмотрев на лежащего на земле цензора и на бледного Люй Гунчжу, те, кто хотел высказаться, сдержались. Этот наивный парень, с ним спорить бесполезно, и кто знает, что ещё может случиться.

Уже желая сохранить Чжэнь Цюна как ценный ресурс, Чжао Сюй кивнул:

— Даос Чжэнь в последние дни совершил несколько подвигов, он будет назначен главой храма Баоин и получит титул «Отшельник Линсяо».

Хотя ему не дали титул «Господин», «Отшельник» тоже был неплох. В конце концов, этому даосу ещё не было и двадцати, и если он продолжит совершать подвиги, титул «Господин» будет естественным следующим шагом.

«Линсяо-цзы» звучало довольно внушительно. С лабораторией и финансированием всё остальное было не важно, и Чжэнь Цюн с радостью принял предложение.

После всех этих событий утренний приём наконец завершился. Однако император не отпустил Чжэнь Цюна сразу, оставив его наедине. Когда придворные разошлись, и рядом не было посторонних, Чжао Сюй, немного поколебавшись, всё же спросил:

— Скажите, Отшельник Линсяо, есть ли в школе Творения путь к бессмертию?

<http://bllate.org/book/16827/1547587>